

Серия «Чеширский кот» премии-медали им. Льюиса Кэрролла
и конвент «РосКон» представляют автора

Алексей Часов

ОГНЕННЫЕ ЧАЙКИ

Алексей Николаевич Часов
Огненные чайки
Серия «Чеширский кот»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56169453
Огненные чайки: сказки и истории о птицах / А. Часов:
Интернациональный Союз писателей; Москва;
ISBN 978-5-907306-58-5*

Аннотация

В новую книгу Алексея Часова «Огненные чайки» вошли сказки и истории о птицах. Весёлые, грустные и даже немного страшные. Но все их объединяют любовь к живому, вызывающая удивление жизнь пернатых, борьба за всё лучшее, что есть в этом мире и в нашей жизни.

Книга предназначена для детей младшего и среднего школьного возраста.

Содержание

Синица	5
Соловей	13
Воробьиные истории	22
1. Три друга	22
2. История про атамана Чирикана Пятого	24
3. Как Чивчив познакомился с Чивчиком	26
4. История об одной ссоре	31
5. Как друзья познакомились с Чикчириком	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алексей Часов
Огненные чайки
Сказки и истории о птицах

Синица

Дочке Маше

В этот день Машенька гуляла недолго. Подружек во дворе не оказалось, потому что на улице было очень морозно. И вот она, как говорится, явилась – не запылилась.

– Ой, папочка, чего я принесла, – восторженно зашебетала она.

– Что, дочка..? Ах, птичка!

– Да, папа. Только она не живая. Она на меня с дерева упала. Прямо на голову. Но не больно. У меня шапка толстая.

Я помог дочке раздеться. А потом мы стали разглядывать птичку. Это была синица: грудка жёлтенькая, а спинка, крылышки и хвостик – чёрненькие. Глазки были плотно прикрыты. И я невольно подумал, зачем дочке понадобилась эта мёртвая птичка. Что делать-то мы с ней будем?

И вдруг... Или мне показалось? Глазок у птички медленно приоткрылся, блеснув на мгновение какой-то белесоватой поволокой, и закрылся вновь.

Я взял её в руки и почувствовал слабое сердцебиение. Никаких сомнений не оставалось: она была жива. Только, видеть, окоченела от холода. Вот и упала, не в силах держаться. Тут её дочурка и подобрала.

Я объяснил это Машеньке, и она, узнав, что птичка будет

жить, когда отогреется, очень обрадовалась. Мы достали коробку из-под обуви, положили в неё ваты, а сверху – птичку, предусмотрительно закрыв коробку крышкой.

Потом пошли обедать.

А когда вернулись в комнату и Машенька сняла крышку, увидели, что синица ожила. Она сначала потрепыхалась в коробке, затем выскочила из неё и побежала, мелко-мелко семена ножками.

Дочка хотела поймать птичку, да не тут-то было: синица подпрыгнула, взмахнула пару раз крылышками и взлетела на стол, со стола на шкаф, а со шкафа – на гардину, и, усевшись там поудобнее, наблюдала за нами.

Я видел, насколько велико желание дочки взять в руки ожившую птичку.

– Давай попробуем дать ей пшена, – предложил я Машеньке.

Дочка обрадовалась, думая, что этим она подкупит синицу и та даст ей хотя бы погладить себя. Мы достали блюдечко, насыпали в него пшена и поставили на пол. Но синица даже глазом не моргнула, по-прежнему оставаясь на облюбованном месте.

Тогда я переставил блюдечко на шкаф, куда дочка не могла дотянуться. Так что синице, казалось бы, бояться нечего. Но птица не реагировала и на это. Так до самого вечера и просидела на своём месте.

На следующий день перед уходом на работу я обнару-

жил синицу сидящей на гардине. Пшено в блюде осталось нетронутым.

«Странная птица, – подумал я, – ведь голодная, наверно, а не ест».

А когда вернулся домой, увидел, что синица летает, перепархивая с одежного шкафа на книжный, а потом на гардину, и покрикивает, словно обеспокоенная чем-то. А дочка с удивлением следит за нею.

– Ожила наша птичка, – сказала Маша. – Только вот не ест ничего.

– А может, она не привыкла есть из блюдечка, – решил я и насыпал пшено прямо на шкаф.

Но синица так и не дотронулась до корма. А всё продолжала летать по комнате, отдыхая лишь на гардине у окна. И я, вспомнив, что сегодняшний день теплее вчерашнего, подумал: наверное, птичка почувствовала ослабление мороза, и ей хочется на волю.

Я предложил Маше выпустить птичку, но она скривила личико. – Понимаю, – настойчиво продолжал я. – Конечно, хорошо, когда дома птичка. Но что делать, если она привыкла к воле. Тем более что она ничего не ест у нас. Погибнет, как в одной сказке.

– Какой? – заинтересовалась дочка.

– Расскажу, – с готовностью предложил я. – Только давай выпустим птичку.

– Ну ладно, – согласилась Маша, немного подумав.

Мы открыли форточку и вышли из комнаты, оставив её проветриваться перед сном. А когда вернулись, синицы уже не было. Дочка с сожалением вздохнула. Но я успокоил её,

закрывая форточку:

– А сейчас будет сказка.

– Про синичку?

– Про синичку. Раздевайся и укладывайся.

Когда Машенька улеглась, я подсел к ней поближе и начал рассказывать:

– Один человек поймал синицу и посадил её в клетку. А она ему и говорит:

«Отпусти меня, я тебе за это дам серебряных пёрышек, которые превратятся в серебряные монеты».

Человек не поверил. Тогда синица встряхнулась – из неё выпали серебряные пёрышки и сразу же превратились в монеты.

«Вот видишь, – сказала синица. – А теперь отпусти меня. Я буду прилетать каждое утро и приносить серебряные пёрышки».

Но человек не поверил птице. Он боялся, что она улетит и больше не вернётся. Одолела его жадность, и он не выпустил птицу.

А потом как-то человек узнал, что есть на белом свете журавль, который сбрасывает золотые перья, и они превращаются в золотые монеты.

Оставил человек свой дом и отправился на поиски этой невиданной птицы. Долго блуждал он по свету, но так и не встретил её. А когда вернулся домой, синица уже умерла. Кормить её было не ком у.

Вот как вышло: погнался человек за большим, меньшее потерял. Недаром говорят: не желай журавля в небе, а поддержи хотя бы синицу в руках. Вот ты её и подержала.

– Да, только немного, – вздохнула Машенька.

– Ничего, – улыбнулся я. – Если хочешь, давай завтра сделаем кормушку, вывесим её на балконе, засыплем пшена, и прилетит твоя синичка.

– Давай, – оживилась дочка. – Только вот прилетит ли?

– Обязательно, – успокоил я её, погладив по голове. – Уж если побывала у тебя в руках, значит, непременно прилетит опять, чтобы не огорчать тебя. А там и до журавля недалеко.

– Какого журавля? – удивилась Машенька.

– Какого? Большого, с длинным клювом. Красивого очень. Вот какого.

– Неужели и он может прилететь?

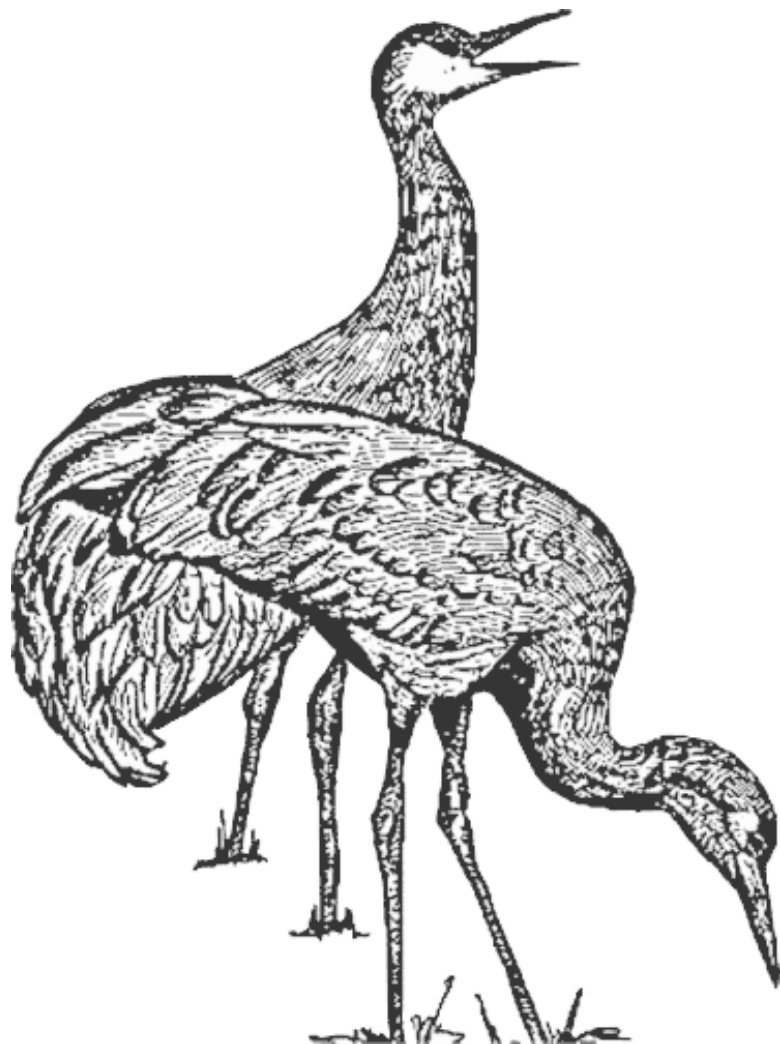
– Может. Встретишь ты своего журавля. Обязательно встретишь. Всё у тебя впереди. А теперь засыпай.

Дочка ещё долго лежала с открытыми глазами. И я даже не заметил, как она уснула.

Уж не знаю, всё ли она поняла из нашего разговора. Может, поняла, но по-своему.

И, возможно, снилось ей, что стоит она под тем самым деревом, с которого на неё упала вчерашняя синица, стоит и ждёт, когда на неё свалится, наконец, журавль. Большой и красивый. И даже держится за голову ручками в тёплых мохнатых варежках, чтобы было не очень больно.

Соловей

Неподалёку от одного посёлка жил Соловей. Жил и радовался жизни – и об этом пел. Пел он для Соловьиных, которую очень любил. И в песне своей выражал любовь к ней.

А что может быть приятнее песни о любви, любви высокой и чистой, где каждый звук полон нежности, щемящего восторга и светлой искренности? Такую песню можно слушать бесконечно.

Соловьиная очень любила эти песни и была благодарна своему избраннику. Чарующие звуки нежной трели кружили ей голову, полонили сердце, и вся она находилась во власти певца, перед талантом которого даже тишина была бессильна оставаться тишиной и в паузах наполняла воздух соловьиной трелью. И песня казалась непрерывной, и некуда было деться от неё.

И вот однажды любитель певчих птиц поймал Соловья. Это сделать оказалось нетрудно такому опытному ловчему. Он был не злой по натуре, любил природу и птиц, хорошо знал их повадки и собрал большую коллекцию лесных певцов.

Он понимал, что соловьиная песня могущественна и очаровывает не только слушателя, но и самого певца, который забывает об осторожности и весь находится во власти своей песни. Оттого она и прекрасна.

Итак, Соловей был пойман и посажен в клетку. В такую же, каких оказалось довольно много в большой комнате, где проживал ловчий. В этих клетках находились Клёст, Дрозд, Снегирь, Иволга, Синица, Пеночка, Чиж, Малиновка, знакомые Соловью по родному лесу. Были здесь и заморские птицы – Канарейка и Попугай.

Все они прыгали, сустились, свистели на разные лады. А Соловью было не до того. Тесная клетка не давала простора, а стены комнаты ограждали его от привычного дуновения тёплого ветерка, шёпота листьев, а главное – от той, кого он любил и кому посвящал свои песни. Соловей робко съёжился и замер, прижавшись к тонким металлическим прутьям клетки.

Его лесные знакомые сразу же заметили нового пленника. Поначалу они пытались заговорить с ним, но Соловей или молчал, или отвечал рассеянно и односложно. И лесные птицы отступились от него.

– Ишь ты, какой гордый! – окончательно заключил Дрозд, который считал себя самым умным из певчих птиц.

С этого момента все старались не обращать на Соловья внимания. Однако, посвистывая и пощёлкивая наперебой, они как бы пытались раззадорить его и приобщить к участию в общем концерте. И действительно, не век же сидеть молча, когда есть возможность показать свои способности?

Но время шло, а Соловей упорно молчал. Он думал о своей подруге, и острая тоска по ней сжимала маленькое серд-

це. Ему не было никакого дела не только до окружающих, но даже до еды и питья. Он по-прежнему сидел неподвижно, уткнувшись в дно клетки клювом, и лишь иногда встряхивался и поднимался, чтобы размять затёкшие лапки.

Клетка его располагалась между клетками Попугая и Канарейки, которые никогда не видели соловьёв, и поэтому им не терпелось поскорее узнать, что же представляет собой грустный пленник.

– Ты бы хоть поел чего-нибудь, – участливо предложила Соловью Канарейка. – Ведь так можно и ноги протянуть.

Соловей лишь вздохнул.

– Смотри, как остальные птицы радуются пище, – поддержал Канарейку Попугай. – Ведь надо же есть, чтобы жить.

– Да, – печально отозвался Соловей, – надо есть, чтобы жить, но не жить, чтобы есть. Зачем мне такая жизнь?

К разговору прислушались другие птицы. А Дрозд, услышавший ответ Соловья, воскликнул:

– Так что же, я, по-твоему, живу для того, чтобы есть? Чем ты лучше меня? Глядите-ка, какой гордый – есть не хочет. Ну и не ешь! Нам больше достанется.

Соловей вздохнул и умолк. Но как ни старались разговаривать его Попугай с Канарейкой, ничего у них не получалось.

«Странная птица, – размышлял Попугай, – не ест, не поёт. И зачем только понадобилась она хозяину? Да хоть бы вид какой был, а то так себе – серенькая замухрышка».

Однажды к хозяину пришёл товарищ. Ловчий показывал ему птиц и рассказывал о каждой что-нибудь интересное. И вот они остановились у клетки с Соловьём.

– А это пополнение моей коллекции, – не без гордости сказал хозяин. – Смотри, какой красавец! Только не поёт. Не знаю, что делать с ним.

– А почему не поёт? – поинтересовался гость.

– Да, наверное, потому, что одинок. Жаль мне его. Вот до-

буду Соловьи́ху и тогда, возможно, услышу его пение. А пока потерпеть надо. Так ли? – тронул он ласково клетку пальцем.

Но Соловей ничего не ответил. Да и что он мог ответить, зная, что человек не поймёт его?

А Попугай заинтересовался услышанным разговором и, когда люди ушли, спросил у Соловья:

– Это правда, что ты поёшь только для Соловьи́х?

Соловей внимательно посмотрел на Попугая и, вздохнув, кивнул головой.

– Ты очень любишь её? – спросила Канарейка.

– Да, – ответил Соловей.

– Наверное, она очень красива, – предположил Попугай, – раз для неё слагают и поют песни.

– Очень, – выдохнул Соловей. – Она красивее всех птиц на свете и, конечно же, лучше меня.

– Да, красота достойна воспевания, – подтвердил Попугай. – Хоть бы одним глазком посмотреть на твою подругу.

– Увы, это невозможно, – сказала Канарейка. – По крайней мере, пока. Вот если хозяин поймает её, то увидим.

– Лучше бы этого не произошло! – воскликнул Соловей. – Я не вынесу. Пусть уж я один пропаду здесь.

– Так-то оно так, – заметила Канарейка. – Только ведь хозяину не прикажешь не делать того, что он замыслил.

Время шло, но Соловьи́ха не появлялась. Да и откуда было знать Попугаю с Канарейкой, что поймать Соловьи́ху намного труднее, чем Соловья. Она не поёт и потому никогда не

забывает об осторожности. Наконец у них лопнуло терпение.

– Знаешь что, – сказала как-то Попугаю Канарейка. – Не могу я видеть, как этот бедняга чахнет. Как бы помочь ему?

– Что же тут сделаешь? – отозвался Попугай.

– Тебя хозяин выпускает из клетки. Ты можешь быть какое-то время свободным. К тому же форточка открыта.

– Неужели ты думаешь, что я могу отправиться на поиски Соловьихи? Где найдёшь её? Она же откликается лишь на соловьиное пение. Я не могу ему подражать, так как никогда его не слышал.

– В таком случае, – предложила Канарейка, – надо выпустить Соловья на волю. Он сам её найдёт. И мы услышим его песню. А возможно, и увидим Соловьику.

И вот однажды хозяин выпустил Попугая из клетки. Он был уверен в своём любимце, так как тот ни разу не заставлял ловчего в себе сомневаться.

Попугай, выждав, когда хозяин выйдет из комнаты, принялся за дело. Крепким клювом он открыл дверцу клетки, в которой находился Соловей, и выпустил его на волю.

Возмущению птиц не было предела. Как же так – выпустить этого гордеца! Да чем он лучше их? Но Попугай не обращал внимания на их гневные пiski. Он думал о песне, которую хотел услышать.

Ждать ему пришлось долго. За это время хозяин успел излить досаду на пропавшего Соловья. Он долго и внимательно рассматривал запор на дверце его клетки, задумчиво по-

тирал подбородок и недоумевал, каким образом дверца могла сама открыться.

Попугай с Канарейкой молчали. И хотя остальные птицы пытались, как могли, рассказать хозяину о происшедшем, он всё равно ничего не понял.

И вот наступил вечер. Когда совсем стемнело и хозяин уже крепко спал, через открытую форточку в комнату влетели звуки необычайно нежной мелодии. В ней слышались переливы и дробные всплески, неповторимые в своей красоте.

И Попугай с Канарейкой догадались, что это была она – соловьиная песня. Мелодия быстро наполнила комнату, и все птицы притихли перед торжествующей песней любви.

Конечно же, Попугай попытался воспроизвести соловьиные звуки. Только ничего из этого не вышло. Даже Канарейка заметила, чтобы он оставил свою затею и не мешал слушать волшебное пение.

И Попугай затих. Он представил себе Соловьику самой прекрасной птицей на свете и радовался тому, что способствовал рождению этого гимна любви.

Воробьиные истории

1. Три друга

Жили три воробья. Одного звали Чивчив, другого – Чивчик, третьего – Чикчирик. Их прекрасная воробьиная дружба имеет свою историю. О ней – наш рассказ.

А дело происходило в городе, который друзья называли Воробьиным царством. И хотя в нём проживало много людей и разных животных, бегало множество автомобилей и велосипедов, а из труб, возвышавшихся над многоэтажными зданиями, время от времени шёл дым, к которому воробьи не имели никакого отношения, всё же они считали этот город своим. Здесь они родились, а, как говорится, где родился, там и пригодился.

И друзьями они стали не сразу. Поначалу они даже не были знакомы друг с другом и жили в разных местах: Чивчив – под застрехой небольшого деревянного домика на краю города, Чивчик – под крышей высокого кирпичного здания ближе к центру города, а Чикчирик – на красивой златоглавой церкви, расположенной на площади в самом центре города.

У Чивчива была бабушка. Очень старенькая и очень добрая. Она никуда не вылетала из-под застрехи, там и дожива-

ла свой воробьиный век.

Бабушка знала много сказок и удивительных историй. И Чивчив любил их слушать. Он очень уважал бабушку и всегда заботился о ней, добывая ей корм. Особенно нравилась Чивчиву одна из бабушкиных историй – о том, почему воробы такие маленькие. И бабушка любила эту историю и часто рассказывала её своему внуку.

2. История про атамана Чирикана Пятого

Это старинное воробьиное предание, в которое трудно поверить. Но всё было так, как гласит оно.

В далёкие незапамятные времена воробьи были не такими уж маленькими, как теперь. Каждый из них достигал величиной примерно курицу. Это было отважное разбойное племя, возглавлял которое атаман Чирикан Пятый. Не было неустрашимей ни в охоте, ни в войне славного воробьиного племени. Не случайно слыло оно грозой лесов, в которых тогда проживало.

Однажды Чирикан Пятый, услышав пение Малиновки, влюбился в неё. Ведь даже разбойничье сердце подвластно этому великому чувству. Но получил отказ. Тогда он решил похитить лесную красавицу, выкрал её из гнезда и доставил к себе, в Воробьиный стан.

Но Малиновка не захотела услаждать слух разбойника прекрасным пением. А на вопрос «Почему?» ответила:

– Моё пение осталось дома, в родном гнезде.

Атаман совершил новый набег на гнездо Малиновки. Но сколько ни искал, никакого пения не нашёл. И понял, что красавица обманула его. Разгневанный, он запер её в сыром и тёмном дупле в надежде, что Малиновка не выдержит и станет петь. Но пленница предпочла смерть и умерла, так и

не издав ни звука.

Понял Чирикан Пятый, что совершил непоправимую ошибку, но было уже поздно. Тогда перестал атаман есть и пить, перестал веселиться и разбойничать. И дружки его присмирели и вместе со своим атаманом переживали случившееся. И до того истощали без еды и питья, что сделались размером с погибшую Малиновку.

А увидев себя такими, изрядно удивились. Но ничего изменить уже не могли. Словно вечное заклятие наложила на них смерть Малиновки. И воробьи решили расстаться с лесом и перебрались в город, в котором и остались навсегда.

Эту историю Чивчив знал чуть ли не наизусть и гордился тем, что предки его были отчаянными пернатыми.

3. Как Чивчив познакомился с Чивчиком

Как-то раз Чивчив полетел за кормом для бабушки и встретился с Чивчиком. Конечно же, он тогда не знал, что это Чивчик, да и что ему было за дело до какого-то незнакомого воробья! У него имелось более важное занятие.

И вот когда Чивчив нашёл сухую хлебную корку и только хотел подняться с ней на ближайшее дерево, как вдруг откуда ни возьмись появился другой воробей, настолько наглый, что не успел Чивчив и глазом моргнуть, как оказался без корки. Она очутилась в клюве неожиданного соперника.

Чивчив бросился на обидчика. Между ними завязалась отчаянная потасовка, во время которой хлебная корка переходила от одного воробья к другому. От неё во все стороны летели крошки, а от дерущихся воробьёв – пух и перья.

Вдруг мелькнула чья-то тень, и ссорящихся воробьёв как ветром сдуло. И вовремя. Как раз из-под кошачьего носа и цепкой когтистой лапы.

Между прочим, воробьёв спасла не только необыкновенная воробьиная особенность, заключающаяся в том, что даже во время ссоры они не забывают об осторожности. Хищник оказался недостаточно опытным. Это был всего-навсего котёнок.

Оправившись от испуга, Чивчив вспомнил о своём обидчике и подлетел к нему, чтобы разобраться.

– Ты зачем отнял мою корку? – запальчиво прочирикал Чивчив.

– Это моя корка, – уверенно ответил другой воробей.

– Как же твоя, когда я её первый нашёл?

– Моя, потому что я здесь живу. А ты нездешний.

– Ну и что же? Корку-то я первый нашёл.

– Теперь всё равно, – вдруг миролюбиво произнёс незнакомец. – Она вся раскрошилась. А крошек хватит и для меня, и для тебя. Без обиды. И зачем нам теперь ссориться? Главное, что спаслись от опасности.

– Ты прав, – согласился Чивчив.

Он так же, как и его новый знакомый, неожиданно проникся миролюбивым настроением после опасности, которой им обоим удалось счастливо избежать.

– Вообще-то мне не жалко этой корки, – продолжал Чивчив. – Действительно, раз ты здесь живёшь. А звать-то тебя как?

– Чивчик, – ответил воробей. – А тебя?

– А меня Чивчив. Смотри, кошка уже ушла. Может, слетим к крошкам?

– Погоди немного. Мало ли что ещё можно ожидать от неё.

– Да нет, она уже далеко. Чего бояться?

– Что ты такой нетерпеливый? – спросил Чивчик.

– Да я не о себе беспокоюсь, – ответил Чивчив, – а о бабушке. Я вот сижу тут с тобой, болтаю, а она голодная. Как же тут не беспокоиться?

– У тебя бабушка есть? – удивился Чивчик.

– Конечно.

– А у меня уже нет. И давно, – задумчиво произнёс Чивчик. – А ведь тоже была. Но я её плохо помню.

– Моя бабушка добрая, только очень уж старая, никуда не вылетает – сил нет. Зато знает много сказок.

– А я тоже люблю сказки. Только некому мне их рассказывать.

– В таком случае, полетели ко мне, – предложил Чивчив. – Не пожалеешь.

– Неудобно как-то, – застеснялся Чивчик.

– Да ничего. Она знаешь какая добрая! И всегда рада моим друзьям. К тому же мы ведь не просто так прилетим, а и хлебных крошек ей принесём.

Чивчик согласился. Друзья слетели с дерева, набрали крошек и направились к дому, где проживал Чивчив со своей бабушкой.

Она их встретила приветливо, поблагодарила за вкусные хлебные крошки. А затем расспросила о том, где и как они подружились.

Чивчив откровенно рассказал и о найденной хлебной корке, и о ссоре, и о неожиданной опасности, от которой им обоим удалось спастись.

– А как звать твоего друга? – спросила бабушка.

– Чивчик, – ответил Чивчив.

– Вот и хорошо, что вы подружились, – сказала бабушка. –

Конечно, вам повезло, что напал неопытный котёнок, а то бы несдобровать. Хотите, я расскажу вам историю о том, как поссорились однажды два воробья и что из этого вышло?

– Как? – удивился Чивчив. – О нас?

– Нет, не о вас, а о других воробьях, которые жили давно, в незапамятное время.

– Во времена Чирикана Пятого? – спросил Чивчив.

– Нет, позднее, но тоже очень давно.

– Хотим, – в один голос произнесли Чивчив с Чивчиком и приготовились слушать.

4. История об одной ссоре

Давно это было. Жили два воробья, которые постоянно ссорились друг с другом. Дня не проходило без взаимных стычек. Дрались они из-за каждого пустяка – да так, что только пух и перья летели. Удивлялись на них другие воробьи. А старики говорили:

– Сколько лет живём мы на свете, сколько лет жили наши отцы и деды, но такого за всю воробьиную историю не было.

Пробовали утихомирить дерущихся. Взывали к их совести. Пытались разобраться в их неприязни.

Ничего не получалось. Ссоры продолжались.

Мало того, поведение двух забияк оказалось заразительным и для других молодых воробьёв. Ссоры возникали ещё чаще. Появились даже целые ватаги воробьёв, которые дрались группа на группу. Что тут было делать?

И вот собрался совет старейшин, решивший наконец восстановить мир в Воробьином царстве. Много высказывалось предложений, как это сделать. Но все ждали совета самого старого и мудрого воробья, которого звали Чикчир. Он молча выслушал тех, кто окружал его на этом важном и решающем собрании.

А когда все высказались, Чикчир глубоко задумался. Никто не осмеливался нарушить наступившее молчание, в котором рождалось мудрое слово. Наконец Чикчир молвил:

– Многие из вас предлагали наказать забияк, чтобы другим неповадно было. Но я думаю: это не выход. Да и не поймут они в таком случае, что ссоры к добру не приводят, только озлобятся. И не сторонник я насилия над нашими младшими братьями. Попробуем обойтись без крайних мер.

– А что же тут ещё можно придумать? – удивлённо спросили старейшины.

Чикчир ещё немного подумал и сказал:

– Есть одно средство – спутать драчунам ноги. Посмотрим, что из этого выйдет.

И вот забияк поймали, спутали им ноги и пустили на волю. Те не отчаивались. Ведь и со спутанными ногами можно было прыгать по земле и драться в воздухе.

Только вот незадача: приземляться стало неудобно. Обязательно кувыркнёшься. И не поднимешься сразу.

Задумались забияки. Что делать? Разорвать путы – невозможно, а просить развязать их своего соперника – бесполезно.

Пришлось драчунам идти на мировую и помогать друг другу избавиться от пут. А когда оба освободились, перестали враждовать.

Так единая беда сблизила бывших врагов. В одиночку же никто из них с ней бы не справился. Но с того времени осталась у них привычка прыгать, как бы напоминая о том испытании, которое пришлось вынести прежним забиякам. Эту привычку унаследовали и все последующие поколения воро-

бьёв, а значит, и мы с вами.

Потому и нет у нас долгих ссор, и живём мы в основном дружно. А то, что прыгаем – это не беда. Главное – помнить об ошибках наших предков и не допускать их, чтобы не попасть в беду.

– Как мы сегодня с Чивчиком, да? – спросил Чивчив.

– Да, – ответила бабушка. – Но хорошо, что всё обошлось благополучно.

5. Как друзья познакомились с Чикчириком

Как-то Чивчив с Чивчиком оказались неподалёку от школы. День был тёплый, весенний. Вдруг они заметили крадущегося мальчишку с рогаткой. Чивчив ещё не знал, что это за штука такая, но Чивчик быстро ему объяснил.

Он уже однажды познакомился с рогаткой. Ему повезло: камень, пущенный из неё, просвистел над головой, а следующего выстрела Чивчик не стал дожидаться.

Чивчив с Чивчиком посмотрели в ту сторону, куда крался мальчишка, и догадались, что беда грозила одинокому воробью, который сидел на заборе хвостом к ним и совершенно не подозревал об опасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.